

Бертран Рассел - возможно, величайший философ XX века. Кроме этого он известен как математик, пацифист и политический деятель. Я считаю, что он заслуживает исключительного уважения за свою любовь к человечеству, за свои дела во имя сохранения мира и свой превосходный ум. Книгу "Практика и теория большевизма" он написал в 1920 году, после поездки (в том же году) в Советскую Россию. Рассел к тому же не скрывал своих взглядов, открыто заявляя, что он сторонник левых политических идей. А в вышеуказанном труде он даже называет себя коммунистом. Но он скорее понимает коммунизм так, как его понимал Жак Фреско или более ранние социалисты-утописты - как общество, в котором нет денежной системы, эксплуатации человека человеком, неравенства, войн и всего остального, с чем мы боремся, но без метода воплощения этой идеи в жизнь.

Нас часто обвиняют в жестокости, подавлении свобод, отсутствии уважения к человеческой жизни. И мы не можем отрицать, что все это было в истории коммунистического движения. Но мы живем в мире, где категория "сила" доминирует над всеми остальными категориями. Как оставаться гуманным и миролюбивым, когда ты понимаешь, что ты не живешь, а существуешь? Как упрекать человека в озлобленности и жестокости, когда он работает по 10-12 часов в сутки, при этом понимая, что его начальство крадет у него часть денег, которые он заработал честным трудом, когда ему надо платить за квартиру, свет, воду, отопление, бензин, еду. В этом случае, говорить о гуманизме также абсурдно, как говорить о гуманности к тем людям, которые напали на нашу страну в 1941 году.

Тем не менее, из нас лепят демонов наши оппоненты с любой точки на политическом спектре. Но стоит отметить, что Бертран Рассел не из тех. Он объясняет, что жестокость большевиков с неизбежностью вытекает из, сложившихся к тем историческим событиям, обстоятельств:

"Осуждая большевизм в его нынешнем российском проявлении, следует определить роль различных факторов, приведших к подобному результату. Начнем с того, что Россия - одна из стран, потерпевших поражение в войне; это породило ряд обстоятельств, сходных с теми, что имеют место в Германии и Австрии. К примеру, продовольственная проблема, по существу одинакова во всех трех странах. И чтобы понять специфику именно большевизма, мы должны сначала исключить то, что характеризует любую страну, пострадавшую от военной разрухи.

Вслед за этим перейдем к специфически российским факторам, которые присущи только российским, а не любым иным коммунистам. Это, например, невероятный беспорядок, хаос, расточительство, которые шокируют Запад (особенно немцев), даже когда они испытывают политические симпатии к большевикам. По моему же убеждению, российское правительство - за исключением нескольких очень способных людей - не умеет решать организационные вопросы, как это делают немцы или американцы в сходных обстоятельствах, однако для России это лучшее правительство; и оно делает больше, чтобы преодолеть хаос, чем делало бы любое иное альтернативное правительство.

Нетерпимость и отсутствие свободы, унаследованные от царского режима, вероятно, тоже скорее российские, чем коммунистические черты. Если бы коммунистическая партия пришла к власти в Англии, она, по всей видимости, встретила бы менее жесткую оппозицию и показала бы себя более терпимой, чем это возможно для любого российского правительства, не желающего быть свергнутым. Это, однако, вопрос степени. Значительная доля деспотизма, присущего большевикам, коренится в самой сути их социальной философии, и он неизбежно проявится, хотя и в более мягких формах, где бы эта философия ни стала господствующей. "

Из всего отрывка я не могу согласиться лишь с тем, что большевики унаследовали нетерпимость и отсутствие свобод. Власть в царской России защищала исключительно интересы властимущих, а следовательно, угнетателей - вот какой была причина нетерпимости и отсутствия свобод. Причиной же нетерпимости большевиков к

политическим силам с центра и справа - стремление защитить Октябрьскую революцию, революцию, которая возложила краеугольный камень в деле построение общества социальной справедливости. И разве практика показала, что большевики вдали, преследуя иные интересы, кроме интересов народа? В реальном мире нельзя добиться чего-то, не пожертвовав чем-то. Советская власть добилась крупной промышленности, ликвидации безграмотности, улучшения качества жизни людей, в условиях экономической блокады, войн и напряженных международных отношений. Пожертвовать пришлось некоторыми нашими идеалами, в том числе и гуманизмом. Оправдывает ли цель средства? На данный момент, я не могу ответить на этот вопрос однозначно.

Рассел далее пишет:

"Всеобщая враждебность к первому коммунистическому государству была предсказана и усугублена теорией классовой борьбы. Единомышленники большевиков знают, что их ожидает неослабная враждебность капиталистических государств; ничто не мешало бы принять большевистские методы, если бы они вели к чему-либо хорошему несмотря на эту враждебность. Утверждать, что капиталисты безнравственны и действия их непредсказуемы, было бы ненаучно, в частности, это противоречило бы марксистской доктрине экономического детерминизма.

Можно вообразить большевизацию Англии в результате неудачной войны, повлекшей потерю Индии, - последнее не кажется очень неправдоподобным в последующие несколько лет. Но сейчас простой рабочий в Англии не будет рисковать тем, что он имеет, ради сомнительного приобретения в случае успеха революции. Распространение нищеты, таким образом, можно считать неизбежным условием введения коммунизма, хотя возможно его установление более или менее мирным путем, методами, которые даже на время не будут разрушать экономическую жизнь страны. Если надеждам, которые поначалу вдохновляли коммунизм и все еще вдохновляют его западных защитников, суждено сбыться, то проблема уменьшения насилия все равно остается очень существенной для истинных революционеров и они не заинтересованы в том, чтобы уклониться от ее решения. Ненавидеть врагов легче и увлекательнее, чем любить друзей. От людей же, которые больше озабочены уничтожением противников, чем совершенствованием этого мира, вряд ли можно дожидаться большого добра."

Как писал Энгельс, коммунисты были бы последними, кто выступил бы против мирного осуществления социалистических преобразований. Но очевидно, что классу буржуа эти преобразования не нужны, их устраивает их положение. Только вот положение их

такое, какое есть, как раз в силу того, что есть другой класс, гораздо больший по численности, класс пролетариев. Рассел говорит о неких мирных методах осуществления коммунизма, но не излагает их суть. Имея власть, а значит, армию, а значит, силу, а значит инструмент для защиты своего господства, буржуазия будет его использовать тогда, когда это будет необходимо. И как, ближе ко времени начала второй мировой войны, убедится сам Рассел, гуманизм - есть абсурд в условиях, когда тебя хотят превратить в вещь, задачей которой является увеличение доходов конкретного господина или группы господ.

Однако в борьбе с нашими классовыми врагами, мы не должны терять идеалы свободы, равенства, братства, ценности человеческой жизни, мира и не доводить до абсурда ни степень наличия опасности, ни степень ее отсутствия.

Автор: Анар Новрузов

Источник – [группа ВКонтакте «Экипаж Маркса»](#)